

Благодаря одному-единственному протухшему яйцу настроение Жун Чэньцзюня мгновенно улучшилось, а давившая на плечи тяжелая аура рассеялась без следа.

И Даньдань с облегчением перевел дух, подумав, что Жун-жуна, оказывается, очень легко задобрить.

Жун Чэньцзюнь тихо, искренне рассмеялся. Стоило ему представить, как этот кроха швыряется яйцами, он невольно улыбался. До чего же забавно! Защищаться с помощью протухших яиц... Внутри него боролись нежность и смех, перерастая в щемящее чувство умиления.

Давешняя ярость почти утихла, однако отказываться от своих планов он не собирался. Кое-кому всё же следовало преподать хороший урок — мелкой пакости со стороны малыша было явно недостаточно. Мерзавцы должны прочувствовать удар на собственной шкуре, только тогда они поймут, что такое рамки дозволенного.

И Даньдань, вглядываясь в его потеплевшее лицо, несмело спросил:

— Жун-жун, она ведь назвала себя твоей мамой... Но почему она тогда так кричала на тебя и сыпала проклятиями?

При этих словах Жун Чэньцзюнь перестал улыбаться. Он замолчал. Беречь старые раны не хотелось, но он понимал: прошлое никуда не денется, замолчи его или забудь. И вместо того чтобы заставлять кроху строить догадки и переживать, лучше рассказать всё как есть. Сразу и до конца.

Собравшись с мыслями, он неторопливо заговорил:

— Она мне не родная. Они подобрали меня на помойке, когда я был совсем маленьким. А потом, когда у них родился собственный ребенок, я стал им в тягость. Дошло до того, что пришлось судиться и навсегда оборвать с ними всякую связь.

Он уложил двадцать шесть лет своей жизни всего в пару сухих фраз. Рассказал так обыденно, будто читал сводку новостей, но за этой простотой скрывались годы кошмара. О его детстве и юности можно было говорить часами, и в этой истории не нашлось бы места светлым тонам.

Жун Чэньцзюнь рос сиротой. Ему едва исполнилось полтора года, когда его, брошенного у мусорных баков, нашла супружеская пара — Ян Чэнсинь и Сюй Цинь.

В тот день они возвращались из больницы, раздавленные приговором врачей: бесплодие. Будущее казалось им беспросветным, но прямо у ворот своего жилого комплекса, возле мусорных баков, они заметили копошащегося в пыли ребенка. Маленький Жун Чэньцзюнь, пухлый, чистенький и на удивление тепло одетый, увлеченно играл с пустыми пластиковыми

бутылками. Супруги растрогались. Поддавшись порыву, они забрали мальчика с собой.

Тогда в них еще оставались крохи совести. Они даже честно заявили о находке в полицию, но настоящих родителей так и не нашли. В итоге супруги оформили опеку. Лишенные возможности завести своего ребенка, они изливали всю нерастраченную нежность на приемыша. Окруженный заботой, мальчик платил им искренней, чистой любовью. Несколько лет они действительно жили как счастливая, дружная семья.

Увы, сказка быстро закончилась. Когда Жун Чэньцзюню исполнилось пять лет, Сюй Цинь внезапно забеременела. Для супругов, давно смилившихся со своим бесплодием, это известие стало настоящим чудом. Радости не было предела.

Вся их жизнь теперь крутилась вокруг еще не родившегося младенца. Будущую маму оберегали как хрустальную вазу. Жун Чэньцзюнь, несмотря на малый возраст, остро почувствовал, что стал лишним. Он очень испугался: он боялся, что с появлением брата папа и мама совсем перестанут его любить. Глупый, испуганный ребенок честно признался родителям, что не хочет никакого братика, и наивно спросил, нельзя ли обойтись без него.

В любой нормальной семье к подобной детской ревности отнеслись бы с пониманием и сумели бы мягко направить ребенка. Но Ян Чэнсинь и Сюй Цинь педагогами не были. Слова приемыша привели их в ярость. Как он смеет желать зла их долгожданному, вымоленному у судьбы плоду?! На мальчика обрушился шквал криков, а отчим впервые поднял на него руку, жестоко избив.

Те побои запомнились Жун Чэньцзюню на всю жизнь. С тех пор он больше ни разу не осмелился заикнуться о своих чувствах.

Вскоре родился Ян Фэй. Младенец с первых секунд жизни получил столько любви и обожания, сколько Жун Чэньцзюню и не снилось. Внезапно объявились даже бабушка с дедушкой, которых мальчик за все свои пять лет ни разу не видел. Новорожденный стал центром вселенной для всей семьи.

Для Жун Чэньцзюня же начались черные дни. По мере того как рос младший брат, отношение к старшему стремительно катилось по наклонной. Всего за два года обычная прохлада сменилась полным равнодушием, а затем переросла в регулярные побои.

Ян Чэнсинь и Сюй Цинь начали откровенно жалеть для него еду. Мальчику перепали лишь объедки со стола, он вечно ходил полуголодным. Стоило ему хоть чем-то досадить родителям, как его выставляли за дверь — и никого не волновало, что на улице бушевала лютая зимняя стужа.

В семь лет, когда его сверстники вовсю примеряли школьную форму, Жун Чэньцзюнь с утра до вечера гнул спину на домашней работе. В школу его отдавать не собирались. Лишь когда после очередных жестоких побоев израненный мальчик сам добежал до полицейского участка, под давлением органов правопорядка его наконец соизволили зачислить в класс.

Но желанная учеба обернулась еще большим кошмаром. Разъяренные вмешательством полиции опекуны начали избивать его с удвоенной жестокостью. Словно упиваясь своей властью, они срывали на беззащитном ребенке любую злость. Чуть позже, едва научившись твердо стоять на ногах, к этим истязаниям присоединился и малолетний Ян Фэй.

Справиться с младшим братом Жун Чэньцзюню не составляло труда, но он не смел давать сдачи: стоило Ян Фэю зануть, как старшего избивали до полусмерти.

Мальчик рос смышленным и не раз пытался искать защиты у закона. Однако семья жила в глухой провинции на окраине Юньши, где все друг друга знали. Стоило участковому уйти, как Жун Чэньцзюня той же ночью избивали так, что приходилось вызывать скорую. В конце концов местная полиция просто опустила руки — они банально боялись, что очередное их вмешательство закончится для ребенка летальным исходом.

В те годы в глухой деревне, опутанной кумовством и родственными связями, никто не решался назвать происходящее своим именем — уголовным преступлением и издевательством над ребенком. Ни одна живая душа не заикнулась о том, чтобы лишить живодеров прав и передать мальчика в приют.

Жун Чэньцзюнь разуверился во всем. В его детском сознании укоренилась страшная мысль: весь мир — это сплошное, безжалостное зло, желающее ему смерти.

Был лишь один человек, затепливший в нем слабую надежду, — лечащий врач, к которому мальчик попал после очередных тяжелых травм. Доктор прямо сказал ему, что эти твари совершают преступление и их можно посадить. Он даже тайно зафиксировал все следы насилия и велел беречь эти бумаги для суда. Но измученный ребенок тогда не верил никому — даже этому доброму врачу. В глубине его истерзанной души все еще теплилась наивная надежда. Они ведь были его папой и мамой... других он не знал.

Знай он тогда, что в его жилах течет чужая кровь, он сбежал бы не раздумывая. Но он не знал. И продолжал безропотно сносить издевательства, непосильный труд и бесконечную череду унижений. Относительное облегчение пришло лишь в средней школе, когда его наконец определили в интернат на полное обеспечение.

Разумеется, платить за его учебу новоявленные родители отказались. В тринадцать лет подростку пришлось самому зарабатывать на жизнь: он собирал макулатуру, сдавал бутылки, брался за любую грязную работу, которую предлагали малолеткам. Тайком от опекунов он выхлопотал у учителей пособие для малоимущих — только так ему удалось получить аттестат за девятый класс. Дальше были старшая школа и университет, которые он оплатил от и до собственной кровью и потом.

Возвращаться в тот проклятый дом ему не хотелось, но глубоко внутри, словно неизлечимая болезнь, сидело нелепое ожидание чуда. Он слишком хорошо помнил теплоту материнских рук и ласковый голос отца из своего раннего детства. Если бы он никогда не знал ласки, ему было бы проще. Но он знал. И потому каждый раз на каникулах упрямо возвращался туда, где его

ждали лишь ненависть и презрение.

Была и другая, более приземленная причина: он рос, креп и постепенно становился выше своего мучителя. Ян Чэнсинь, невзрачный и малорослый мужчина, начал подсознательно побаиваться приемного сына. Особенно когда натыкался на его тяжелый, немигающий взгляд матерого хищника, готового в любой момент перегрызть глотку. Рукоприкладство почти прекратилось, но на смену ему пришел непрекращающийся поток грязных, ядовитых оскорблений.

Жун Чэньцзюнь не понимал, за что ему всё это. Почему Ян Фэю прощалось абсолютно всё, из-за чего тот вырос ленивым, никчемным ничтожеством, бросившим школу и паразитирующим на родителях? А его самого смешивали с грязью. Он ненавидел эту семейку. Иногда в голову закрадывались смутные сомнения в их родстве, но горькую правду он узнал лишь на втором курсе университета.

Приехав домой на зимние каникулы, он застыл у приоткрытой двери, услышав голоса приемных родителей:

— Ян Чэньцзюнь-то когда возвращается? Каникулы вроде начались.

— Да какая разница? — отмахнулся отчим. — Небось притащится. Неродной ведь, отребье помоечное, а ты с ним носишься. Думаешь, он нам спасибо скажет? Да у него волчий взгляд, вырастили змею на свою шею...

Что они говорили дальше, Жун Чэньцзюнь уже не слушал. В тот миг в его душе вскипел безумный ураган чувств: дикое облегчение, горькая обида и всепоглощающая ненависть. Он и не подозревал, что человек способен испытывать такую гамму эмоций одновременно. Но главным было одно — оковы рухнули. Он наконец-то был свободен от призраков прошлого.

Он развернулся и ушел, не сказав ни слова. И больше никогда не переступал порог этого дома. Приемные родители тоже не искали его, словно он для них умер в тот же день.

Началась новая жизнь. Жун Чэньцзюнь перевелся на другой факультет, с головой ушел в учебу и вскоре вместе со своим университетским другом Мин Юем основал компанию «Чэньсин». Бизнес рос, принося первые серьезные плоды. Чтобы окончательно стереть следы прошлого, он сменил фамилию на Жун — просто потому, что ему нравился этот иероглиф, обещавший простор и покой.

Однако тень изувеченного детства не отпускала его так легко. Когда к нему пришел международный успех и его — уже как известного модельера — пригласили с показами на Недели моды в Страны Ф и М, сюжет об этом показали по телевидению. И семейка Ян увидела этот репортаж.

Осознав, что презираемый ими «помоечный мусор» теперь ворочает миллионами, они тут же

явились требовать свою долю. Жун Чэньцзюнь холодно указал им на дверь. Он поднял все архивные документы и до копейки подсчитал, сколько они потратили на его скудное содержание в детстве, после чего вернул долг один к одному, приложив официальную расписку.

Поняв, что легкой наживы не видать, твари сменили тактику. Прямо во время триумфального показа Жун Чэньцзюня в Милане в сети развернулась грязная кампания по очернению его имени. Яны лили на него ушаты грязи, обвиняя в неблагодарности, предательстве воспитавших его родителей и черствости. Они наивно полагали, что перед ними всё тот же запуганный мальчишка, который будет молча сносить удары.

Они жестоко просчитались. Жун Чэньцзюнь не стал оправдываться — он просто подал на них в суд.

<http://bllate.org/book/18224/1749807>